

Илья Ильф, Евгений Петров

Письма из Америки

Собрание сочинений в 5 томах. Том 4. Издательство "Художественная литература". Москва, 1961
Оср, проверка - Читальный зал - <http://www.reading-room.narod.ru/lib>

И.А. Ильф - М.Н. Ильф

4 окт. 35 г.

...сегодня третий день я двигаюсь на "Нормандии". В шторм она еще похожа на пароход, по крайней мере качает. А в тихую погоду это просто громадная гостиница с роскошным видом на море. Пароходного, в том смысле как мы привыкли, здесь очень мало. Но так как шторм продолжается с той минуты, когда мы покинули Гавр, то в общем впечатления все-таки морские. Опять меня не укачивает, и я отношусь к этому даже с боязливым удивлением.

Самое удивительное на "Нормандии" это вибрация. Только теперь я знаю, что от вибрации все издает звук. У меня в каюте звучат стены, кровать, шкафы, умывальник, лампочки, полотенца, пуговицы на пальто, носовой платок, живопись на стене. Каждый предмет вибрирует и звучит по-своему. Не удивляйся тому, что мой почерк изменился. Это он вибрирует. Я вибрирую вместе со всеми, и весь этот сумасшедший ансамбль звуков с трудом продирается через довольно злобный океан к Америке.

Вообще удобства здесь громадные, если к вибрации относиться спокойно. Каюта у нас громадная (так как нам везет, то в Париже, когда мы меняли шипс-карты на билеты, нам дали каюту не туристскую, а первого класса. Они это делают потому, что сезон уже кончился, чтобы первый класс не пустовал безобразно), обшитая светлым деревом, потолок как в метро, роскошный, стоят две широкие деревянные кровати, шкафы, кресла, свой умывальник, душ, уборная. Вообще пароход громаден и очень красив. Но в области искусства здесь явно неблагополучно. Модерн вообще штука немножко противная, а на "Нормандии" это еще усиливается золотом и бездарностью.

Через четыре часа после отхода из Гавра "Нормандия" делает свою единственную остановку - в Соутгемптоне. Оттуда еще можно отправлять письма...

4 окт. 35 г.

...сейчас уже вечер, мы где-то посредине дороги, посредине океана. Тепло, темно, налетел очень мягкий дождик. Что-то пассажиры погрузнели, лежат, читают, думают. Вчера лежали почти все, от трехсот пятидесяти человек туристского класса осталось не больше тридцати на ногах. Да и у тех как-то странно бегали глаза. Сегодня утихло, но у них еще не прошла душевная опустошенность, вот они и грустят. На "Нормандии" едет группа наших инженеров с радио-конструктором Шориным. Все легли костюми, показались сегодня на минуту и снова укрылись в свои каюты. Один я хожу, безумный адмирал, нечувствительный к морской болезни. Вчера в танцевальном зале было кино. И сегодня тоже. Вчера показывали ужасную дрянь и сегодня тоже. Кормят здесь отлично, без особенного вдохновения, но очень разнообразно и в количестве, превышающем возможности человеческого желудка. Ем не очень много, в меру, сплю, вообще отдыхаю после беготни по Праге и Вене. В Париже я не бегал.

В салоне для сочинения писем, где я сейчас нахожусь, живопись такая, как в фойе какого-нибудь одесского театра миниатюр в 1911 году. Прямо непонятно. Какие-то маркизы и так странно плохо нарисованные, что, кроме удивления, никаких чувств не вызывают...

В Нью-Йорк мы должны прибыть 7 октября к часу дня. В печатном списке пассажиров я значусь как Mrs (мистрис Ильф). Это смешно. Еще едут с нами мистер Бутербродт, мистрис Бутербродт и юный мастер Бутербродт. Маршак бы написал про них стихи для детей: "Страшный мистер Бутербродт".

Океан безлюден. Ни одного парохода не видел. Идем мы быстро. Все время заполняем громадные американские анкеты: "Покрыты ли вы струпами?", "Анархист ли вы?", "Не дефективны ли вы?". И так далее...